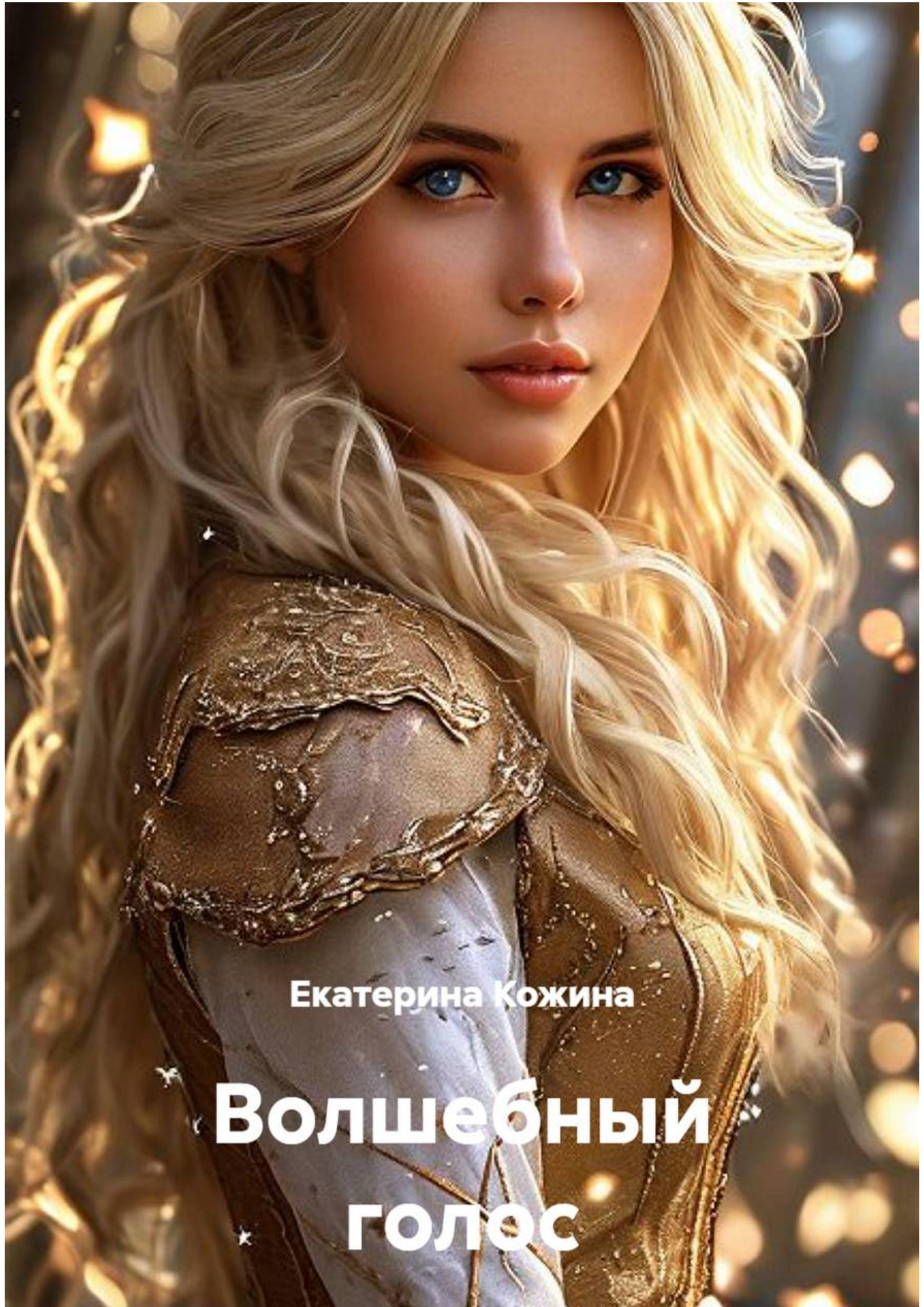

Екатерина Кожина

**Волшебный
голос**

Екатерина Кожина

Волшебный голос

«Автор»

2026

Кожина Е.

Волшебный голос / Е. Кожина — «Автор», 2026

Магические дары разные, иногда самый прекрасный и милый дар может принести больше проблем, чем пользы.

© Кожина Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	15
Глава 7	18
Глава 8	21
Глава 9	24
Глава 10	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Екатерина Кожина

Волшебный голос

Глава 1

До четырнадцати лет Лисандра была обычной девочкой, чье имя соседи вечно забывали, путая с ее кузинами. Но в день рождения в ней что-то изменилось. Без вспышек магии и знамений — просто мир вокруг нее стал чуточку мягче и уступчивее.

Первым это заметил отец. Утром он, как обычно, ворчал на пролитое молоко, но стол Лисандре сесть за стол, его лицо разгладилось. Он молча пододвинул ей самую румяную булочку и сказал: «Кушай, милая. Что-то бледная ты сегодня, может, накинуть платок?»

На рынке мясник, славившийся своим скверным характером, вдруг забыл обвесить ее, как делал со всеми. Он улыбнулся и выбрал кусочек посвежее, заметив, что в лавке сквозит и ей лучше не стоять у дверей.

Мужчины не сходили с ума и не теряли рассудок. Они оставались прежними: лавочники считали медяки, стражники проверяли пропуска, наемники спорили в тавернах. Но как только Лисандра оказывалась рядом, их мысли принимали благодушное направление. Им хотелось уступить ей дорогу, подать руку, подбросить дров в камин, чтобы было тепло, или просто помолчать рядом. Ее голос, мягкий и певучий, действовал как теплый плед в дождливый день — рядом с ней людям становилось спокойно и уютно.

Но эта идиллия обернулась драмой.

Ее подруги, с которыми она еще вчера делила секреты, отдалились за пару недель. Стоило компании девушек заговорить с местными парнями, как все взгляды — уважительные, но неотрывные — перемещались на Лисандру. Других девушек словно ластиком стирали из пространства. Лиса видела, как тускнели глаза ее приятельниц, как они замолкали и уходили. Скоро ее перестали звать на посиделки и праздники.

Одиночество оказалось тяжелой платой за всеобщую симпатию. И тогда Лисандра придумала маскировку.

Спустя три года Лисандра научилась искусно прятаться от мира. Ее гардероб теперь состоял из мешковатых платьев, которые скрывали фигуру. Главным стал глубокий капор — он отбрасывал густую тень на лицо, заставляя прохожих видеть лишь общие очертания. А еще она взяла за правило говорить как можно меньше и тише.

В этот вечер она сидела в углу таверны «Усталый тритон». Старый трактирщик Бруно, протирая кружку, посматривал на серый силуэт с дедовской заботой.

— Твой чай, Лиса, — сказал он, ставя перед ней чашку с травами. — Мяты побольше положил, как ты любишь. Устала сегодня?

— Спасибо, дядя Бруно. Все хорошо, — чуть слышно ответила она из-под капора.

Даже этот шепот заставил Бруно заулыбаться. Он поправил занавеску на окне, чтобы на девушку не дул сквозняк, и вернулся к стойке.

В этот момент дверь таверны отворилась, и вошел парень в дорожной куртке. На плече висел походный мешок, а в руках держал карту. Выглядел он растерянным и уставшим. Это был Галахад — начинающий картограф, которому поручили составить план троп на опушке Проклятого леса.

Он подошел к стойке, развернул пергамент и обратился к Бруно:

— Добрый вечер. Почтенный, не подскажите, кто из местных мог бы проводить меня до старой просеки? Мне нужно только зафиксировать ориентиры, но одному в сумерках туда соваться боязно. Я заплачу.

Бруно скептически оглядел парня:

— В Проклятый лес? На ночь глядя? Парень, здесь дураков нет. Наемники за такое золото просят, а у тебя, судя по куртке, кошелек не резиновый.

Галахад вздохнул, его плечи поникли. Он сел за соседний от Лисандры стол и уткнулся в свою карту, бормоча под нос цифры и направления.

Лисандре стало его жаль. Она знала, каково это — чувствовать себя чужим среди равнодушных людей. Забывшись, она тихо произнесла:

— На старую просеку лучше идти в обход болот, через каменистый склон. Там безопаснее.

Галахад вздрогнул и повернулся на звук голоса. Из-под глубокого капора на него смотрели внимательные глаза. Парень не потерял голову, но внутри него словно зажегся теплый огонек. Ему вдруг захотелось, чтобы эта странная, укутанная девушка не сидела в темном углу, а улыбнулась.

— О... вы знаете дорогу? — Галахад поднялся и сделал шаг ближе, стараясь говорить мягче, чтобы не спугнуть ее. — Если вы подскажите подробнее, я буду очень благодарен. А если согласитесь показать... я обещаю, что сделаю все, чтобы вам было комфортно в пути. У меня и плащ теплый есть, если похолодает.

Бруно у стойки прищурился и потянул руку к скалке — парень показался ему навязчивым по отношению к его любимой посетительнице. Пара завсегдатаев тоже отвлеклись от эля и хмуро посмотрели на чужака, готовые попросить его отойти от девушки.

Лисандра заметила эти движения. Опыт подсказывал: если она сейчас промолчит, Галахада просто выставят за дверь ради ее «спокойствия», а ей этого совсем не хотелось.

Она поднялась:

— Я проведу тебя. Но пойдем сейчас, пока не стемнело.

Галахад обрадованно закивал и поспешил открыть перед ней дверь. Бруно лишь вздохнул, но препятствовать не стал — рядом с Лисандрой всем хотелось, чтобы она поступала так, как ей хочется.

Они вышли в прохладные сумерки. Впереди была дорога к лесу, и Лисандра надеялась, что ее очарование поможет им обойтись без неприятностей.

Глава 2

Вечерний воздух пах пылью и прелой хвоей. Лисандра шла позади Галахада. Капор надежно защищал ее от прохлады и от взглядов парня.

Галахад, впрочем, и так был слишком занят. В его руках светился магический фонарик, а на ходу он умудрялся сверяться со свитком. Теплое присутствие спутницы развязало ему язык — рядом с Лисандрой он чувствовал себя так спокойно, словно знал ее тысячу лет.

— ...и вот наставник мне говорит: «Галахад, у тебя правый берег реки шире левого, у нас так королевство в болото сползет!» — парень рассмеялся, обходя валун. — Но вообще, мне сказочно повезло. Из приюта Святой Марты редко кто в люди выбивается. Обычно идут в грузчики или в пехоту. А меня мастер Томас заметил. Увидел, как я на стене угольком план нашего двора черчу, с точностью до шага. И взял в ученики.

Лисандра слушала:

— Тяжело было в приюте?

Галахад на секунду замолчал, подбирая слова, но обиды в голосе не было — скорее, грусть.

— Нормально. Голодно иногда, но настоятельница — женщина добрая. Я поэтому там и остался, как выучился. Мастер выделил мне каморку под крышей мастерской, но я свободное время провожу в приюте. Помогаю, чем могу. Крышу починить, дрова наколоть. Там сейчас совсем туго.

— Денег не хватает? — догадалась Лиса.

— И денег тоже, — вздохнул картограф. — Но главная беда — люди. Рук не хватает. Городское правление платит медяки, так что за эти места никто не держится. А дети... дети там непростые. У каждого беда за плечами. Кто-то замкнулся и молчит неделями, кто-то, наоборот, драться лезет на любое доброе слово. Туда ведь не просто няньки нужны. Там терпение требуется ангельское, понимаете? Чтобы выслушать, не прикрикнуть, супом накормить так, будто они кому-то нужны. А у нас из персонала — две кухарки и старик-сторож.

Лисандра под капором усмехнулась. *«Терпение ангельское... И мужчины, готовые горы свернуть, лишь бы просто побыть рядом»*, — подумала она. В ее голове шевельнулась странная, пока смутная мысль.

— Вот мы и пришли, — Галахад остановился у поваленной сосны. — Смотрите, старая просека. Мастер говорил, она заросла, а она вполне обитаема. Сейчас я нанесу ориентиры.

Пока картограф возился с циркулем и линейкой, Лисандра сидела на бревне. На опушке Проклятого леса было тихо. Галахад работал быстро, поглядывая на силуэт девушки, чтобы убедиться, что она не замерзла. Рядом с ней его карандаш двигался на удивление точно.

Назад в город они возвращались уже ночью. Улицы были пусты, редкие фонари покачивались на ветру. Галахад проводил Лисандру до домика на окраине.

— Спасибо вам, — парень улыбнулся. — Без вас я бы заплутал в тех зарослях. И... знаете, мне давно ни с кем не было так легко разговаривать. Обычно я всех утомляю своими картами.

— Все в порядке, Галахад. Мне было интересно, — ответила Лисандра. — Скажи... а где точно находится этот приют Святой Марты?

— На Гусиной улице, сразу за старой сукновальней. Большое серое здание с покосившейся трубой. А что?

— Да так, — уклонилась от ответа Лиса. — Просто любопытно. Доброй ночи, Галахад.

— Доброй ночи! Надеюсь, еще увидимся! — парень помахал рукой и бодрым шагом пошел в сторону своей каморки, насвистывая веселый мотивчик.

Лисандра заперла дверь, сняла капор и подошла к зеркалу. На нее смотрела очаровательная девушка с умными глазами. А в голове только что оформился план. Гениальный и безумный.

Ей нужно было место, где ее проклятие (или дар) принесет пользу, а не разрушит чужие жизни. Место, где мужчины будут делать добрые дела не ради ее улыбки, а потому что ее присутствие делает их лучше. Приют.

«Так, — рассуждала Лисандра, расплетая косу. — Денег в приюте нет. Зато на рынке есть мясник, который спит и видит, как бы привезти мне лучшую вырезку. В таверне есть Бруно, у которого три племянника-плотника. А в городской страже служат сорок здоровых мужиков, которым скучно по выходным, и которым нравится, когда я говорю им "спасибо"».

Глава 3

Утром Лисандра заглянула в кабинет к отцу. Тот сидел над грессбухом, подсчитывая годовые проценты от вложений в торговые гильдии. Денег в семье хватало: на безбедную жизнь, на жалование молоденькой горничной и на внушительное приданое Лисы, которое сиротливо лежало в банке, поскольку замуж девушка не собиралась.

— Папа, мне нужны деньги на триста фунтов муки, — заявила Лисандра.

Отец поднял на нее любящий взгляд:

— Конечно, звездочка. А зачем? Мы открываем пекарню? Или ты решила засыпать мукой ту сумасшедшую соседскую курицу?

— Нет, я иду работать в приют Святой Марты. Бесплатно.

Отец на секунду задумался, прикинул в уме объем работы и вздохнул:

— Ну, по крайней мере, там безопасно. Хотя, если эти сироты посмеют тебя обидеть, я куплю этот приют и перестрою его в конюшню. Возьми ключ от сейфа на комод.

Получив финансирование, Лисандра оделась в привычное «боевое» снаряжение: серое платье и капор. По дороге к Гусиной улице она сделала остановку у городской кузни.

Кузнец Торвальд, огромный мужчина с бородой, как раз остужал подкову. Стоило серой фигуре застыть у порога, как Торвальд поспешно вытер ладони о фартук и принял цивилизованный вид.

— Мастер Торвальд, — прошептала Лисандра. — Мне нужно доставить мешок муки в приют. Он такой тяжелый...

Сердце Торвальда растаяло, как кусочек воска на горне. Ему захотелось доказать этой хрупкой леди, что на свете есть настоящие мужчины, способные носить тяжести.

— О чем речь, барышня! — прогудел он. — Какая мука? Да я им туда целую мельницу на загровке утащу! Показывайте дорогу!

Штурм приюта выглядел эпично. Настоятельница, пожилая сестра Агнесса, как раз проверяла чистоту подоконников коридоре, когда дверь распахнулась. На пороге стоял кузнец, на плече огромный мешок, а из-за его спины выглядывало нечто серое.

— Куда бросать, матушка? — Торвальд, преданно косясь назад, на капор Лисандры.

— К-куда?.. В кладовую, по коридору направо, — опешила сестра Агнесса.

Когда кузнец, обойдя Лисандру («Не ушибитесь об меня, ради богов, я же железный!»), ушел разгружаться, настоятельница посмотрела на гостью:

— Дитя мое, что это значит?

Девушка сделала глубокий вдох:

— Меня зовут Лисандра. Я пришла просить у вас разрешения помогать приюту. Бесплатно. Зарплата мне не нужна. Я могу убирать, читать детям, помогать на кухне...

Сестра Агнесса, которая три года выбивала из городского совета хотя бы полставки для помощницы, едва не прослезилась. Мягкий голос девушки окончательно развеял ее сомнения.

— Бесплатно? Ангелы небесные... — Настоятельница схватила Лису за руки. — Да у нас рук не хватает! Одежда на детях хоть и чистая, но вся в латках, зашивать не успеваем. Еда простая — каша да пустые щи, на большее казны нет. Если ты правда пришла помочь... Проходи, доченька. Пойдем, я познакомлю тебя с детьми.

В игровой комнате было шумно. Дети — около двух десятков мальчиков и девочек от пяти до тринадцати лет — были одеты опрятно, но их куртки и платица явно помнили еще прошлую эпоху. Увидев настоятельница и странный «серый стог», дети притихли.

— Дети, это Лисандра. Она будет помогать нам, — объявила сестра Агнесса.

Вперед шагнул мальчишка лет двенадцати ссадиной на носу — местный авторитет по имени Тоби. Он оглядел глубокий капор Лисы.

— А чего это вы в шапке в помещении? Лицо прячете? Вы прыщавая или разбойница?

— Тоби! — ахнула настоятельница.

Лисандра рассмеялась. На детей ее чары действовали слабо — у них еще не проснулся мужской инстинкт «оберегать и обладать», так что для них она была просто странной теткой. И это было прекрасно! Наконец-то с ней говорили как с обычным человеком.

Она присела на корточки, чтобы быть на одном уровне с Тоби:

— Я не разбойница. Просто у меня очень вредные волосы, они постоянно лезут в глаза, когда я сержусь. А сержусь я, когда мальчишки не едят пироги с черникой.

— С черникой? — оживился Тоби. — А где пироги? Из той муки, что дядька принес?

— Именно. Если поможешь мне дотащить кастрюли на кухне, попрошу повара положить тебе двойную порцию.

— Идет! — шмыгнул носом мальчишка.

К девушке подошла малышка лет шести, дергая за край платья. На ней был чистенький, но полинявший сарафан.

— Тетенька... а вы умеете рассказывать сказки про рыцарей? Наш сторож знает только про налоги и радикулит.

Лисандра улыбнулась под капором, чувствуя, как внутри нее впервые за три года разливается настоящее, живое тепло. Не то «уютное очарование», а ее собственная радость. Ее не прогнали. Ее не испугались. Подруги отвернулись от нее, потому что видели в ней соперницу, но здесь, среди обделенных судьбой детей, ей не нужно было ни с кем соперничать.

— Умею, маленькая, — ответила Лиса. — И про рыцарей, и про драконов, и про картографов, которые путают берега рек.

В дверях появился Торвальд, сияющий, как начищенный таз.

— Мисс Лисандра, муку сдал! Что еще сделать? Может, крышу перекрыть? Или забор по всему периметру новый поставить? Я могу, мне не трудно!

Сестра Агнесса только рот приоткрыла от изумления — кузнец Торвальд обычно за один гвоздь драл три шкуры, а тут добровольно предлагал капитальный ремонт.

— Спасибо, мастер Торвальд, — ответила Лисандра, повернувшись к нему. — Посмотрите, пожалуйста, петли на кухонной двери, а то они скрипят.

— Будет сделано в лучшем виде! — кузнец чуть ли не строевым шагом отправился выполнять поручение.

Глава 4

Кузнец Торвальд оказался человеком слова. Он несколько дней подряд приходил в приют после закрытия кузни. Огромный, пахнувший углем и металлом, он чинил все, что попадалось под руку: укрепил петли, заварил треснувшие котлы и намертво привинтил кочергу к камину.

Впрочем, уже через неделю Торвальд осознал суровую истину: сироты — это стихийное бедствие, способное преодолеть любые законы физики. Дети умудрялись ломать даже то, что было выковано на века из гномьего металла. Тоби и его банда как-то ухитрились согнуть толстенный железный засов, используя его как рычаг для штурма запертой сушилки. Торвальд не разозлился. Он лишь восхищенно почесал бороду и стал приходить раз в неделю — «на дежурный техосмотр», тайно надеясь вновь услышать тихое «спасибо» из-под серого капора.

На следующий день Лиса столкнулась на пороге приюта с Галахадом. Парень тащил охапку чертежей, когда из коридора вышла девушка.

— Лисандра! — Галахад просиял так искренне, что его фонарик на поясе жалобно мигнул. — Какими судьбами? Вы... вы тоже здесь?

— Здравствуйте, Галахад, — Из-под капора послышался теплый смешок. — Пришла помогать сестре Агнессе.

Их дружба росла стремительно. В ней не было романтического кокетства или двусмысленных взглядов — только редкое для девушки доверие. Картографу было легко делиться с ней своими идеями, а Лиса впервые за три года общалась с парнем своего возраста, не боясь, что он завтра прибежит свататься с охапкой полевых цветов. Галахад ценил ее за ум и умение слушать, а она его — за искренность и преданность своему делу.

Еще через день Лисандра совершила второй набег на город. К приюту Святой Марты подкатила телега, нагруженная рулонами материи. Возглавлял процессию мастер Жак — лучший портной квартала, славившийся своим снобизмом и запредельными ценами.

Сейчас мастер Жак выглядел так, словно ему только что доверили обсчитывать коронационный плащ императора.

— Выше голову, олухи! — покрикивал он на подмастерьев, придерживая рулон сукна. — Мы шьем для будущего этой страны!

Под бдительным (и очень уютным) кураторством Лисандры портной совершил невозможное. Он не просто обшил всех детей с ног до головы, избавив их от вечных латок, но и полностью обновил постельное белье. В спальнях наконец-то появились плотные, пахнущие лавандой матрасы и пышные подушки взамен старых, сбившихся в комки тюфяков. Дети в первую ночь спали так крепко, что сестра Агнесса дважды ходила проверять, дышат ли они.

Сама же Лиса взялась за образование. Каждый день она собирала воспитанников в гостиной, открывала книги по истории и географии и начинала читать.

На детей ее чары действовали не так сильно, как на взрослых мужчин — сироты не пытались защитить ее от сквозняков, но магия ее голоса все же творила чудеса. Когда девушка говорила, комната словно наполнялась мягким, золотистым светом. Голос, журчащий как лесной ручей, убаюкивал детскую тревогу и заставлял затихать даже отпетых хулиганов. Под этот ласковый шепот дети с удовольствием принялись за учебу.

— ...и тогда эльфийский флот зашел с левого фланга, — плавно читала Лисандра, переворачивая страницу.

— Тетя Лиса, — перебил ее Тоби, сидевший за столом в новенькой, крепкой зеленой куртке. — А почему они не швырнули в них гномьим порохом? Я бы швырнул. Бах — и нет эльфов!

— Потому что порох в ту эпоху стоил дороже, чем твоя новая куртка, Тоби, — отозвалась Лисандра. — К тому же, эльфы умели договариваться. Словом можно добиться большего, чем взрывом.

— Ну не знаю, — проворчал мальчишка, но послушно уткнулся в тетрадь, выводя буквы. — С порохом как-то надежнее... Но ладно, читайте дальше. У вас красиво получается. Про флот интересно.

Лили, сидевшая на ковре:

— Тетя Лиса... А моя мама тоже так красиво говорила? Я не помню ее голоса. Помню только, что было холодно.

— Я думаю, Лили, что твоя мама говорила с тобой сердцем. А этот голос никогда не забывается. Он просто ждет, пока ты вырастешь, чтобы сама смогла говорить так же тепло со своими детьми.

Лили улыбнулась и прижалась к Лисандре.

Глава 5

Приют преобразался, но Лисандра понимала: на одной муке и новых матрасах далеко не уедешь. Настоятельница, кухарки и вечно спящий сторож Поппи по-прежнему получали от городского совета гроши.

— Нам нужно поднять им жалование, — заявила Лисандра, сидя в каморке Галахада за чашкой чая. Глубокий капор был сдвинут на лоб, чтобы видеть собеседника.

Галахад, увлеченно чертивший розу ветров, чуть не сломал циркуль:

— Лиса, милая, как? Городской совет скорее удавится на собственной цепи правосудия, чем выделит приюту хотя бы серебряный. Бургомистр Клаус считает каждый медяк.

Девушка улыбнулась.

На следующий день девушка отправилась в городскую ратушу. Штурмовать кабинет напрямую она не стала. Вместо этого она «случайно» столкнулась с ним на крыльце, когда тот отчитывал стражника за плохо вычищенную бляху.

— Извините, господин бургомистр, — Лисандра. — Вы не подскажете, где здесь канцелярия?

Бургомистр Клаус замер. Гнев на стражника испарился, как капля воды на раскаленной плите. В его глазах зажегся отеческий огонек. Вдруг показалось, что эта скромная девушка — самое незащищенное и прекрасное существо, которое он встречал со времен своей молодости. Ему отчаянно захотелось, чтобы ей было комфортно в его ратуше.

— О, дитя мое, — голос Клауса сменился с вороньего на воркующий. — Зачем тебе канцелярия? Пойдем в мой кабинет, там кресла мягче и нет этого ужасного сквозняка. Стража! Немедленно принесите барышне теплого молока с медом!

Спустя полчаса Лиса сидела в роскошном кресле, а бургомистр Клаус подкладывал ей под спину бархатную подушечку.

— Так говоришь, приют Святой Марты? — Клаус сокрушенно качал головой, слушая ее тихий, баюкающий голос. — И сестра Агнесса работает за три медяка в месяц? Какое варварство! Как я мог это упустить? Ведь дети — наше будущее, наша опора! И сторож... как его... Поппи? Да ему за вредность и радикулит нужно платить втрое больше! Не переживай, звездочка. Я лично перепишу статью расходов на благотворительность. С завтрашнего дня жалование персонала приюта увеличивается в три раза. И пусть только казначей попробует пикнуть — я его на сухой паек посажу!

Окрыленная успехом, Лисандра решила устроить для детей праздник — День Сладкой Сказки. А для этого нужно было задействовать местную Гильдию Кондитеров.

Глава гильдии, мэтр Пьер, славился своим скверным французским акцентом (хотя родился в соседней деревне) и тем, что зажимал даже крошки от печенья. Но стоило Лисандре в сопровождении Галахада зайти к нему в кондитерскую, как магия сделала свое дело.

Под воздействием певучего голоса мэтр Пьер осознал, что его призвание — не продавать торты аристократам, а дарить радость чистым детским душам.

— О-ля-ля! — воскликнул мэтр Пьер, прижимая пухлые руки к сердцу и преданно глядя на серый капор. — Мои эклеры! Мои марципановые замки! Они созданы для этих маленьких ангелов! Я лично привезу три телеги сладостей! И устрою для них мастер-класс по выпечке фигурных пряников!

Праздник получился невероятным. Двор приюта превратился в сказочную кондитерскую. Повсюду пахло ванилью, корицей и горячим шоколадом. Кондитеры в белых колпаках терпеливо учили сирот раскатывать тесто.

Тоби, весь перемазанный в глазури, яростно вылепливал из марципана что-то круглое.

— Тоби, это что, яблоко? — спросил подошедший Галахад, с улыбкой глядя на его кулинарный шедевр.

— Это бомба, дядя Галахад! — гордо заявил Тоби. — С сахарным запалом. Если эльфы нападут на приют, мы забросаем их сладкими снарядами. У них зубы выпадут, и они сдадутся!

Мэтр Пьер, услышав это, расчувствовался:

— Какая стратегическая мысль! Какая гастрономическая экспрессия! Мальчик, у тебя талант! Подростешь — возьму в ученики!

Лисандра сидела на скамечке чуть поодаль, наблюдая за весельем. К ней подошла маленькая Лили, бережно держа в руках пряничного человечка, у которого вместо глаз были две изюминки.

— Тетя Лиса, — сказала девочка, протягивая ей сладость. — Это вам. Я сама делала. Выбрала самые большие изюминки, чтобы человечек лучше видел, какая вы хорошая.

Лисандра взяла пряник. Она никогда не сможет пройти по улице, не вызывая у мужчин желания защитить ее. Но сейчас, глядя на счастливых детей, на сытых кухарок, на Галахада, который увлеченно объяснял Тоби баллистику марципановых бомб, Лисандра поняла: ее одиночество больше не было бесполезным. Ее проклятие стало щитом для тех, у кого этого щита никогда не было.

Галахад подошел к ней, держа в руках два стакана с горячим сбитнем.

— Ну что, леди в сером, — весело сказал он, присаживаясь рядом. — Бургомистр платит, кузнецы чинят, кондитеры пекут. Что дальше? Штурмуем Королевский монетный двор ради новых игрушек?

— Не торопись, Галахад, — и картограф снова почувствовал, как рядом с ней становится тепло и спокойно. — Нам нужно решить вопрос с зимним отоплением. А Гильдия Дровосеков, насколько я знаю, мужчины суровые. Придется поговорить с ними особенно мягко.

Глава 6

Спустя месяц после Дня Сладкой Сказки над приютом сгустились тучи. И тучи эти пахли не дождем, а чернилами и гербовой бумагой. Внезапное процветание сиротского заведения — новые матрасы, трехразовое питание с мясом и утроенные зарплаты персонала — привлекло внимание Налогового ведомства.

Утром в ворота приюта постучали. Да так, что старик Поппи подпрыгнул на своем стуле и выронил мушкет. На пороге стоял господин Ксавьер — главный аудитор округа. Мужчина в идеально отглаженном камзоле и в пенсне, которое, казалось, держалось на одном лишь чистом презрении к должникам. Налоговики, как известно, были существами особого порядка. В их жилах текли параграфы, а вместо сердца стучали счеты.

— Извещение о внеплановой проверке, — ледяным тоном произнес Ксавьер, проходя мимо опешившей сестры Агнессы. — Мы зафиксировали аномальный приток капитала в данное учреждение. Изъятие отчетов, книг учета и допрос руководства — немедленно. При малейшем подозрении на контрабанду или отмывание золота через... гм, сирот, приют будет опечатан.

Сестра схватилась за сердце. Ситуацию спасла Лисандра.

— Добрый день, господин инспектор, — тихо прошелестела она из-под глубокого капора. — Мы так рады вашему визиту. Вы, должно быть, устали с дороги. В ратуше ведь так много работы...

На секунду в глазах Ксавьера промелькнула искра человечности. Его суровые плечи чуть опустились. Бархатный голос Лисандры подействовал даже на налоговый устав: аудитор вдруг вспомнил, что у него дома есть пушистый кот, которого он давно не гладил, и что мир, не состоит из одних лишь цифр.

— Гм... Да, работы много, — уже менее ледяным тоном ответил Ксавьер, поправляя пенсне. — Но закон есть закон, барышня. Откуда деньги? Бургомистр Клаус лично подписал указ об увеличении финансирования, но казначейство требует обоснований. Кто ваш спонсор?

— Добрые люди, господин Ксавьер, — Лисандра сделала шаг ближе, и в комнате повеяло домашним уютом. — Исключительно добровольные пожертвования. Пойдемте, я покажу вам наши книги. И чаю... с мятой. Вам обязательно нужно выпить чаю.

Аудитор, ведомый ощущением тепла, послушно пошел в канцелярию. Законы магии уюта работали исправно: Ксавьер не потерял разум, он по-прежнему дотошно проверял каждую цифру, но делал это с улыбкой. Каждую нестыковку в бумагах он теперь трактовал как «досадную канцелярскую ошибку милых дам» и помогал сестре Агнессе правильно составить отчетность, чтобы у казначейства не возникло вопросов.

Пока в канцелярии шел мирный допрос, в приют доставили нового воспитанника. Его звали Леон, ему было тринадцать. Сын бродячих артистов, потерявший родителей, Леон не верил ни единому доброму слову. Он сидел на подоконнике в столовой и злобно зыркал на всех вокруг.

Когда Лисандра, распрощавшись с довольным аудитором (который на прощание выделил приюту налоговую льготу на три года вперед), зашла в столовую, Леон даже не повернулся.

— Еще одна нянька, — выплюнул он, упрямо глядя в окно. — Сразу говорю: мыть полы не буду. Сказки ваши дурацкие слушать не буду. И жрать вашу кашу тоже. Заприте меня сразу в чулан, мне плевать.

Девушка присела на лавку напротив него. Детская броня Леона была крепкой, и обычный ее певучий голос тут не помогал — мальчик видел в мягкости лишь фальшь, которой его часто обманывали на улицах. Здесь нужна была не магия.

— В чулане сейчас занято, — сказала Лисандра из-под капора. — Там кузнец Торвальд прячет от детей новые инструменты, чтобы они их снова не согнули. А кашу можешь не есть. У нас сегодня тушеный картофель с грибами. Тоби, кстати, считает, что грибы — это секретное оружие эльфов, так что можешь отдать свою порцию ему.

Леон удивленно покосился на нее:

— Ты чего в мешке ходишь? Уродка, что ли? Лицо покажи.

— Не покажу, — ответила Лиса. — Если покажу, ты решишь, что я хочу тебе понравиться. А я не хочу. Я просто хочу, чтобы ты знал: здесь тебя никто не будет заставлять улыбаться, если тебе плохо.

Мальчик замер. Спина его расслабилась. Лисандра нащупала правильный подход: говорить с ним прямо, иронично и без жалости.

Главное испытание ждало их в конце недели. Приближались холода, и Лисандра вместе с Галахадом отправилась на лесную делянку к Гильдии Дровосеков — договариваться о дровах. Галахад взял с собой телегу и карту лесных дорог, а Лисандра — капор.

Но до делянки они не дошли. В узком овраге у опушки Проклятого леса дорогу им преградили трое. Это были не дровосеки и не монстры. Это были беглые каторжники, промышлявшие разбоем — грубые, оборванные мужчины с топорами и ржавыми тесаками.

— Опача, гляди-ка, картограф и девчонка! — заржал самый крупный, перегораживая путь телеге. — Кошелек на бочку, парень. И куртку снимай, больно хороша.

Галахад побледнел, но решительно шагнул вперед, заслоняя собой Лисандру:

— Назад! Я... я картограф Королевской гильдии! За нападение на меня вас вздернут!

— Ага, сперва поймают, — огрызнулся щербатый. Его подельники двинулись на Галахада. Парень зажмурился, приготовившись к худшему.

Лисандра поняла: времени на полумеры нет. Если она не вмешается, Галахада покалечат. Она сделала то, чего не делала никогда с четырнадцати лет. Она вышла из-за спины друга, решительно сорвала глубокий капор. Ее золотистые волосы рассыпались по плечам, а лицо, освещенное тусклым солнечным светом, предстало перед нападавшими во всем сокрушительном очаровании.

Она включила свой дар.

— Мужчины, — ее голос прозвучал не просто мягко. Он зазвенел, как чистейший хрусталь, заполняя весь овраг волной уюта и тепла. — Пожалуйста. Не нужно драться. Нам всем здесь холодно и неудобно... Опустите оружие.

Эффект был подобен удару молнии. Разбойники застыли на месте. Топор щербатого со стуком выпал прямо в грязь. В их глазах, еще секунду назад полных злобы и жажды наживы, зажглось что-то иное. Ясный ум не покинул их — они четко понимали, кто они и где находятся. Но в эту самую секунду совершить насилие в присутствии этой девушки показалось им самым чудовищным поступком в мире. Им до безумия, до дрожи в коленях захотелось стать для нее защитниками. Чтобы этот ангел никогда больше не грустил в этом грязном овраге.

— О... о боги, — прошептал щербатый, медленно опускаясь на одно колено прямо в осеннюю листву. — Барышня... Простите нас, дураков. Мы... мы не хотели. Вам холодно? Хотите, мы разведем костер? Мы изрубим эти деревья в щепки, чтобы вы согрелись!

— Да, да! — подхватил второй разбойник, лихорадочно стягивая с себя свой грязный, но плотный плащ. — Возьмите плащ, леди! Не побрезгуйте! Только не смотрите так грустно, у меня сердце рывается!

Галахад стоял с открытым ртом, переводя взгляд с кающихся бандитов на Лисандру. Он впервые видел ее без капора. Она была прекрасна — бесспорно. Но то, как суровые убийцы превратились в преданных домашних псов, готовых по первому слову колоть дрова, заставило

картографа осознать всю глубину ее тайны. Он вспомнил кузнеца, портного, бургомистра... Пазл в его голове сложился.

Девушка накинула капор обратно, пряча лицо в спасительную тень. Заклинание немного ослабло, но разбойники все еще были под воздействием.

— Нам не нужен плащ, — твердо сказала она из-под ткани. — Нам нужны дрова для приюта святой Марты. Много дров. Если вы действительно хотите помочь... проводите нас до делянки гильдии и помогите погрузить телегу. И больше никогда не нападайте на людей.

— Будет исполнено, хозяйка! — гаркнул щербатый, вскакивая и хватая свой топор уже с совершенно другими намерениями. — Эй, парни, шевелись! Поможем благородным господам!

Обратно в город они возвращались в сумерках. Телега была нагружена лучшим дубовым кругляком так, что оси трещали, а трое бывших разбойников с гордым видом шагали по бокам, словно почетный караул королевской гвардии.

Галахад долго молчал, ведя лошадь под уздцы. На окраине города, когда бандиты отправились разгружать дрова во двор приюта, он наконец повернулся к Лисандре.

— Так вот почему этот капор... — сказал он. В его голосе не было страха или злости — только сочувствие. — Лиса... Это, должно быть, ужасно. Когда все вокруг видит в тебе не человека, а... какое-то чудо природы, перед которым нужно преклоняться.

Лисандра остановилась. Из-под капора послышался грустный вздох.

— Подруги отвернулись от меня в четырнадцать лет, Галахад. Рядом со мной их никто не замечал. Мужчины делают для меня все, но они не видят меня настоящую. Ты... ты теперь тоже будешь смотреть на меня так?

Галахад улыбнулся — той дружеской улыбкой, которую Лисандра так ценила.

— Ну уж нет, леди в сером. Я картограф. Мое дело — видеть реальный рельеф местности, а не миражи. Для меня ты — девчонка, которая помогла мне не сгинуть в Проклятом лесу, которая виртуозно грабит бургомистра на законных основаниях и которая кормит сирот картошкой.

Глава 7

Бывшие разбойники, ведомые желанием доказать леди, что они встали на путь исправления, явились в приют на следующее утро. С вымытыми шеями и топорами наперевес. Сестра Агнесса, завидев эту колоритную тройцу, не упала в обморок только потому, что накануне бургомистр втрое поднял ей жалование.

— Так, соколики, — заявила настоятельница. — Разбойничать вы, может, и умели, а вот полы мыть и картошку чистить — тут сноровка нужна. Главарь, как тебя там? Щербатый? Будешь таскать воду. Остальные — на скотный двор и к курам. И не дай боже я увижу, что вы коситесь на приютское серебро. Его тут все равно нет.

Разбойники, привыкшие к крикам стражников и свисту стрел, под суровым взглядом пожилой монахини кротко закивали и покорно побрели за ведрами.

Отношения Лисандры с бунтующим Леоном продвигались со скрипом. Мальчик игнорировал общие уроки, сидел на подоконнике и строгал деревяшки. Но однажды вечером случилась оплошность.

Девушка сидела в гостиной у догорающего камина. Вокруг не было ни души, и она, устав от темноты, стянула капор и прикрыла глаза, наслаждаясь теплом огня.

Раздался тихий стук — из кармана Леона, который бесшумно вошел в комнату за забытой курткой, выпал его нож. Мальчик замер, уставившись на Лисандру.

Лиса панически схватилась за капор, но было поздно. Она приготовилась к привычному: сейчас тринадцатилетний подросток либо устанет на нее как на ангела, либо начнет заикаться. Но Леон лишь прищурился, перевел взгляд на капор в ее руках, а потом — на кузнечное железо, новые рулоны ткани и гору дубовых дров во дворе.

— Так вот оно что... — протянул Леон, и на его лице впервые появилась не злобная, а понимающая усмешка. — Ты не уродка. Ты... слишком красивая. Настолько, что у мужиков мозги плавятся, да?

Лисандра опустила капор, удивленно глядя на мальчика. Ее дар на него не подействовал — его подростковая колючесть и уличная закалка сработали как броня.

— Да, — призналась она. — С четырнадцати лет. Из-за этого от меня ушли все подруги.

— Дуры они, — буркнул Леон, присаживаясь на край стола. — На улице красивым девочкам тяжело. Их все поймать хотят. А ты... ты их самих ловишь и заставляешь приют чинить? Гениально.

Лисандра не выдержала и рассмеялась.

— Леон, это секрет. Если город узнает...

— Я не трепло, — отрезал мальчик, поднимая свой нож. — Мои родители были артистами, я знаю, что такое маска и сцена. Твой секрет у меня в кармане. Но за это ты дашь мне нормальный брусок липы. Я фигурки резать умею, а этот тополиный обрубок только крошится.

— Договорились, — улыбнулась Лиса. Между ними протянулась невидимая, но прочная нить доверия. Наконец-то появился второй человек после Галахада, который видел ее, а не ее чары.

Приближалась зима, а вместе с ней — Большая Зимняя Ярмарка. Девушка загорелась идеей: дети приюта под кураторством мастеров должны были выставить на продажу свои поделки. Тоби с кузнецом Торвальдом ковали затейливые подсвечники, девочки с портным Жаком шили теплые рукавицы с вышивкой, а Леон вырезал потрясающие деревянные игрушки.

Организация праздника легла на плечи Лисандры. Ей пришлось координировать весь город. Она прошлась по ратуше, кондитерским и гильдиям, выбивая лучшие места на площади, бесплатные столы и рекламу от глашатаев. Городские мужчины, млея от ее голоса, выполняли любые приказы быстрее, чем королевские.

И вот, для решения вопроса с финальной доставкой праздничных павильонов, Лисандра отправилась в Гильдию Дровосеков.

Глава гильдии, Бьорн, оказался человеком огромным, широкоплечий, с подстриженной русой бородой и веселыми искрами в глазах. От него пахло морозной хвоей и свежей стружкой. Он не был грубым, несмотря на профессию — двигался на удивление легко и говорил спокойным голосом.

Девушка вошла в его кабинет, привычно натянув капор и приглушив голос:

— Уважаемый мастер Бьорн... Приюту Святой Марты очень нужны ваши тяжеловозы и платформы для ярмарки. Пожалуйста, помогите нам...

Бьорн отложил камень, которым точил топор, и посмотрел на серую фигуру. Магия Лисандры окутала комнату. Бьорн почувствовал, как внутри разливается тепло, а сердце бьется ровнее. Ему захотелось улыбнуться этой девушке, защитить ее от зимней стужи. Но в отличие от остальных мужчин города, Бьорн лишь хмыкнул. В его глазах блеснула хитринка.

— Платформы, говорите, барышня? — Бьорн поднялся, возвышаясь над Лисой как вековой дуб. — Дело благое, сиротам помогать надо. Но вот какая штука... Мои ребята сейчас все на вырубке, спины гнут. Инструмент тупится. А тут приходит леди, от одного голоса которой у меня мозоли на руках чесаться перестали, такой он... уютный.

Лисандра под капором замерла. Этот великан явно поддался ее чарам, но при этом умудрялся торговаться!

— И чего же вы хотите, мастер Бьорн? — осторожно спросила она.

— Справедливости, — подмигнул дровосек. — Я дам вам три лучшие платформы и десяток крепких парней. Но с одним условием. На ярмарке вы снимете этот ваш... скворечник с головы и вручите мне первый пряник. Хочу посмотреть, совпадает ли лицо хозяйки с ее чудесным голосом. Идет?

Лиса почувствовала, как щеки заливают румянец. Это было новое, незнакомое чувство. Бьорн не пускал слюни, не бросался выполнять приказы как слуга — он общался с ней как с равной, открыто признавая, что она ему нравится, но сохраняя мужское достоинство.

— Хорошо, — ответила Лисандра. — Один пряник. И капор я сниму только у вашего павильона.

— По рукам, леди, — Бьорн широко улыбнулся, и девушке вдруг показалось, что Проклятый лес вокруг города — вовсе не такое уж мрачное место, если в нем водятся такие дровосеки.

Ярмарка открылась под звон колоколов и крики глашатаев. Площадь бурлила. Павильон приюта пользовался популярностью. Подсвечники Тоби раскупили за первый час, а деревянные птицы Леона вызвали восторг. Юноша стоял за прилавком, выпрямив спину, и подмигивал проходящей мимо Лисандре.

Бьорн сдержал слово. Его платформы стояли в самом центре, а сам он, в нарядном кафтане, крутился неподалеку, добродушно покрикивая на покупателей и зазывая их к детскому стенду.

К вечеру, когда зажглись первые факелы, Лисандра подошла к павильону дровосеков. В ее руках был большой медовый пряник в форме сердца.

Бьорн обернулся, его глаза радостно блеснули:

— Ну что, барышня? Уговор дороже золота.

Лисандра вздохнула. Рядом не было толпы — только Галахад, который с улыбкой наблюдал за ними из-за угла, и Леон, присматривающий, чтобы никто не мешал. Она развязала ленты и откинула капор назад.

Морозный воздух тронул ее лицо, золотые локоны блеснули в свете факелов. Бьорн замер. На его лице отразилось глубокое восхищение. Его потянуло сделать шаг вперед, обнять ее, закрыть своим огромным телом от всего мира. Но он сдержался. Он лишь улыбнулся, взял пряник из ее рук:

— Вы прекрасны, Лисандра. Намного прекраснее, чем я думал. И дело не в магии, которой от вас веет. Дело в том, что у вас глаза человека, который делает этот паршивый мир чуточку лучше.

Лисандра посмотрела в его честные серые глаза и поняла: кажется, маскировка впервые дала трещину. И эта трещина ей нравилась.

Глава 8

Зимняя ярмарка принесла приюту Святой Марты столько серебра, что сестра Агнесса впервые в жизни наняла третью кухарку и купила старику Поппи новые шерстяные носки. Жизнь в приюте вошла в сытое и веселое русло. Но главные события теперь разворачивались вокруг Лисандры.

Бьорн оказался настойчивым. Его ухаживания походили на его работу: уверенные и эффективные. Каждое утро у порога ее дома появлялась охапка идеальных, пахнущих смолой сосновых лучин для растопки, перевязанных яркой лентой. А иногда — корзинка сочной лесной брусники.

Отец Лисандры, бывший купец, быстро раскусил ситуацию. Как-то утром он застал дочь у окна, когда та с улыбкой рассматривала очередную вязанку дров.

— Так-так, — купец отхлебнул чаю. — Наша Лиса, кажется, собирает приданое из древесины. Доченька, скажи честно, твой новый кавалер планирует построить нам второй этаж или просто решил выжить из города Гильдию Угольщиков?

— Папа, он просто помогает приюту, — покраснела девушка, поспешно натягивая капор.

— Ну конечно, — рассмеялся отец. — Огромный глава гильдии дровосеков, Бьорн, гроза местных лесов, таскает колышки к нашему забору исключительно из любви к сиротам. Ладно тебе, я не против. По крайней мере, если он решит просить твоей руки, мне не придется нанимать грузчиков для перевозки твоего сундука с золотом — он унесет его под мышкой вместе с банком. Главное, проверь, умеет ли он читать что-то, кроме годовых колец на пнях.

Между тем Тоби и Леон времени зря не теряли. Их тандем «острый ум и марципановая баллистика» работал без сбоев. Мальчишки смекнули, что дровосек Бьорн — идеальный кандидат на роль «защитника тети Лисы». Леон, знавший секрет Лисандры, понимал, что Бьорн — единственный мужик в городе, у которого от ее чар не вышибает пробки в голове.

— Надо им помочь, — заявил Тоби, сидя на новой поленнице во дворе приюта. — Он на нее смотрит, как пес на сахарную косточку, но близко не подходит. Боится, что ли? Он же топор одной рукой гнет!

— Не боится, а уважает, тупица, — Леон строгал очередную деревянную птицу. — Тетя Лиса у нас тонкой душевной организации. Если он на нее наступит, от нее только капор останется. Тут нужен план. Стратегический.

На следующий день, когда Бьорн приехал в приют проконтролировать разгрузку свежего сена, мальчишки привели план в действие. Пока Тоби отвлекал дровосека расспросами о том, как правильно валить вековую сосну «в один замах», Леон незаметно привязал длинную веревку к петле на капоре Лисандры, которая развешивала белье неподалеку, и перекинул ее через сук яблони.

— Бьорн! Берегись! Навес падает! — вдруг завопил Тоби, указывая на совершенно исправный сарай.

Бьорн рванулся в сторону, зацепил сапогом натянутую веревку... Раздался короткий треск. Ленты капора Лисандры лопнули, и серый головной убор взмыл в воздух, повиснув на яблоне как странное зимнее гнездо.

Золотистые волосы Лисы рассыпались по плечам, морозный ветер тут же растрепал их. Она ахнула, закрывая лицо руками. Ее магия выплеснулась наружу — мягкая, укутывающая.

Бьорн мгновенно оценил обстановку. Вместо того чтобы взглянуть на ее красоту, он сорвал с себя плащ, в два шага пересек двор и накинул его на девушку.

— Ну что, стратеги недоделанные, — Бьорн не оборачиваясь, грозно зыркнул в сторону забора, где притаились Тоби и Леон. — Если я еще раз увижу, что вы балуетесь со снаряжением леди, я заставлю вас вручную перебирать кору на всем зимнем запасе дров. Поняли?

Мальчишки дружно и восторженно закивали из-за кустов. План сработал идеально. Бьорн защитил ее.

Лисандра выглянула из-под огромного плаща, который сидел на ней как королевская мантия.

— Спасибо, Бьорн, — прошептала она.

— Не за что, — Бьорн улыбнулся, поправляя край плаща. Его рука на секунду задержалась, и Лиса почувствовала, как ее сердце сделало странный, веселый кувырок. — Кстати, нас в субботу намечается Праздник Первой Щепы на лесной поляне. Вся гильдия собирается. Каша из костра, пироги, песни под лютню. Пойдешь со мной? Обещаю, капор я твой с дерева сниму и заштопаю лично. Будет тебе броня.

Лисандра посмотрела в его честные серые глаза.

— В лес? С целой толпой мужчин с топорами? Бьорн, ты уверен, что твоя гильдия выдержит мое... «очарование»?

— Мои парни крепкие, — рассмеялся великан. — Главное — не снимай капор до десерта. А там уж как-нибудь отмашемся.

Праздник Первой Щепы в лесу встретил их треском огромного костра и ароматом жареного кабана. Собралось больше полусотни дровосеков — суровых, бородатых мужиков, способных перекусить гвоздь.

Девушка пришла в заштопанном Бьорном капоре, шурша юбками по снегу. Бьорн гордо вел ее под руку, придерживая, чтобы она не поскользнулась на обледенелых корнях.

— Эй, глава! — крикнул один из мастеров, Олаф, помешивая кашу в чане. — Что это за серый мешок ты с собой приташил? Неужто новую бензопилу из столицы выписал?

— Язык прикуси, Олаф, — добродушно отозвался Бьорн, усаживая Лисандру на бревно, заботливо укрытое шкурами. — Это мисс Лисандра. Из приюта. И веди себя прилично.

Все шло прекрасно, пока один из молодых дровосеков, желая лихо проскочить мимо костра с охапкой хвороста, не споткнулся. Охапка полетела в огонь, взметнулся сноп искр, и одна из них угодила прямо на завязку капора Лисандры. Ткань тлела быстро. Лиса, испугавшись, сорвала головной убор и бросила его в снег.

Вокруг костра воцарилась тишина.

Пятьдесят суровых дровосеков уставились на девушку. Магия очарования накрыла лесную поляну, как лавина. На мгновение мужики забыли, как дышать. Олаф застыл с половником, из которого каша медленно капала на его собственный сапог. Суровые лесорубы вдруг почувствовали, что этот заснеженный лес — самое прекрасное место на земле, а эта девушка — их общее сокровище, которое нужно немедленно укутать во все имеющиеся шкуры.

— Барышня... — выдохнул Олаф, его суровое лицо разгладилось. — Вам... вам не дует от сосны? Хотите, я ее срублю? Прямо сейчас. Всю просеку расчищу, чтоб солнышко вам светило?

Мужики начали подниматься с бревен, благодушно, но неотвратимо надвигаясь на Лисандру с самыми рыцарскими намерениями — кто-то хотел предложить ей свой лучший топор, кто-то — кусок кабана.

Лисандра в панике сжалась, ища глазами Бьорна.

Бьорн не подвел. Он с грохотом вогнал свой тяжелый топор в бревно прямо перед наступающими лесорубами. Гулкий удар заставил мужиков вздрогнуть и слегка прийти в себя.

— Так! — рявкнул Бьорн, вставая между Лисандрой и гильдией. — Отставить просеку, Олаф! Кашу мешай, а то пригорит! Парни, сели на места! Живо! Говорю популярно: девушка

пришла со мной. Кто первый подойдет ближе чем на три шага без ее разрешения — лично со мной будет соревноваться в колке дров на скорость. До весны.

Дровосеки замерли. В их головах магия Лисандры боролась с авторитетом Бьорна и перспективой колоть дрова до посинения. Авторитет Бьорна победил с незначительным перевесом. Мужики уселись обратно, но их взгляды оставались преданными. Рядом с Лисой им по-прежнему было удивительно хорошо, но они поняли: у этого «солнышка» есть зубастый хранитель.

Бьорн повернулся к девушке, протянул ей миску с кашей:

— Ну вот, а ты боялась. Мои парни дисциплинированные. Ешь кашу, леди. Без капора ты, конечно, производишь фурор, но мне так даже больше нравится — сразу видно, с кем я сижу.

Лисандра приняла миску, ее пальцы на секунду коснулись его теплой ладони. Она посмотрела на спокойное лицо Бьорна, на притихших дровосеков, которые под ее взглядом начали тихо и слаженно петь лесную песню, и впервые подумала: проклятие больше не кажется тяжелой ношей. Особенно когда рядом есть кто-то, способный остановить лавину одним ударом топора.

Глава 9

Официальный визит Бьорна в дом купца был назначен на воскресный вечер. К этому событию готовились так, словно город ожидал приезда королевской ревизии. Молоденькая горничная трижды перемыла и без того чистые окна, а отец Лисандры лично спустился в подвал, чтобы выбрать бутылку лучшего вина из купеческих запасов.

Лисандра металась по своей комнате. На ней было все то же серое платье, но без капора — дома она могла позволить себе дышать свободно.

— Лиса, успокойся, — послышался из дверного проема веселый голос отца. Он стоял, прислонившись к косяку, и с улыбкой наблюдал за дочерью. — Если твой дровосек испугается фарфоровых чашек или моего гроссбуха, я сам выпишу ему штраф от имени Гильдии торговцев. Но судя по тому, что он ворочает бревнами, наш паркет пострадает сильнее, чем его нервы.

В этот момент в дверь постучали. Стук был аккуратным, но от него звякнули подвески на люстре в прихожей.

Бьорн вошел, заполнив собой почти все пространство коридора. Он был в нарядном темно-синем кафтане, с причесанной бородой. В одной руке он держал букет из зимних белых роз и сосновых веток, а в другой — увесистый бочонок лесного меда.

— Добрый вечер, барышня, — Бьорн улыбнулся Лисандре. Магия ее очарования наполнила прихожую, но великан лишь глубже вдохнул этот воздух и вежливо поклонился отцу. — Почтенный мастер Джерард, честь имею представиться. Бьорн, глава Гильдии дровосеков.

Отец Лисандры оглядел гостя с ног до головы, задержал взгляд на букете размером с хорошую бочку и удовлетворенно хмыкнул:

— Ну, заходите, мастер Бьорн. Сразу видно, человек основательный. Если у нас в доме сломается стул, я буду знать, кого винить и кто его починит. Прошу к столу.

Ужин проходил под знаком тонкого купеческого юмора и лесной прямоты.

— Так значит, Бьорн, вы управляете полусотней мужиков с топорами? — купец покрутил в руке бокал с вином. — Лиса мне все уши прожужжала, как вы ловко доставили платформы на ярмарку. Я вот в свое время возил шелк из южных провинций, так там такие тракты — черти ноги ломают.

— У нас в лесу трактов нет, мастер Джерард, — Бьорн спокойно, стараясь не звякать серебряной вилкой, отрезал кусочек запеченной утки. — У нас есть просеки. И если черти ломают там ноги, мы просто пускаем этих чертей на дрова. А если серьезно, то правильный расчет маршрута — это половина успеха. Тут мне, кстати, очень помогает ваш приютский картограф, Галахад. Парень — золото, такие тропы на делянках отыскал, о которых даже старожилы забыли.

Лисандра сидела между ними, переводя взгляд с отца на Бьорна. Ей было невероятно легко. Под столом огромная, теплая ладонь Бьорна накрыла ее пальцы. Это не было жестом собственника — он просто сжал ее руку, делясь своим спокойствием, и Лиса почувствовала, как по телу разливается волна настоящей, чистой любви, не имеющей никакого отношения к ее проклятию.

— Ладно, Бьорн, — купец посерьезнел, хотя в уголках его глаз все еще плясали смешинки. — Я вижу, парень ты честный. Моя дочь — сокровище, но сокровище... со специфическими свойствами, сам понимаешь. С четырнадцати лет вокруг нее мужики кругами ходят. Ты-то как держишься? Голова не кружится?

Бьорн опустил вилку, повернулся к Джерарду и ответил совершенно серьезно:

— Мастер Джерард, магия мисс Лисандры — это как хороший костер в зимнюю ночь. Рядом с ним тепло любому, кто замерз. Но я вырос в лесу и умею отличать тепло костра от лесного пожара. Мне нравится эта магия, но люблю я саму Лису. За то, что она, прячась под

мешком, умудряется согреть тех, кому в этом городе хуже всего. И если кто-то попытается обидеть ее или отнять этот ее костер — мой топор всегда со мной.

Отец Лисандры долго молчал, глядя на дровосека. Затем поднял свой бокал:

— Рад знакомству, зять. Лиса, налей-ка нам еще чаю, а то у твоего лесоруба от моих расспросов, кажется, горло пересохло.

Зима окончательно вступила в свои права, и именно тогда Бьорн и Лисандра осознали, что приют Святой Марты стал мал для их общей энергии. Успех зимней ярмарки и новые бюджеты показали: город нуждается в переменах.

Сидя в гостиной приюта вместе с Галахадом, сестрой Агнессой и Леоном, который теперь числился мастером по резьбе, они разложили на столе карту города.

— Приют заполнен до отказа, — сказала Лисандра, убирая со лба прядь волос. — Но в трущобах у портовых доков и на окраинах есть еще десятки детей. Они не сироты, у них есть родители, но эти родители работают с утра до ночи на сукновальных и лесопилках за гроши. Дети предоставлены сами себе. Болтаются на улицах, мерзнут, голодают.

— Нам нужен не просто приют, — Бьорн положил свою руку на карту, прямо на заброшенный пустырь у старой королевской мануфактуры. — Нам нужен Городской центр ремесел и заботы. Большая школа для всех детей бедняков. Где их будут кормить, учить грамоте и, главное, ремеслу. Кузнечному делу, столярному, портняжному, картографии. Чтобы к пятнадцати годам они выходили оттуда мастерами, а не портовыми бродяжками.

Галахад восторженно забил кулаком по столу:

— Земля у мануфактуры принадлежит короне, но бургомистр Клаус может сдать ее нам в аренду за один медный грош в год! Лиса, один твой визит в ратушу — и контракт у нас в кармане!

— А строить кто будет? — буркнул Леон, хотя его глаза загорелись. — Там нужно три огромных корпуса. Это же куча камня, дерева и рабочих рук.

Бьорн хитро прищурился и посмотрел на Лисандру:

— А вот тут в дело вступает наша главная стратегическая сила. В Гильдии дровосеков — пятьдесят парней. В Гильдии каменщиков — сорок. В Гильдии плотников — тридцать. И все они мечтают сделать что-то такое, за что мисс Лисандра скажет им «спасибо». Мы объявим Большую Стройку.

Лисандра рассмеялась, чувствуя, как ее сердце наполняется гордостью. Ее дар, который когда-то казался ей проклятием и заставил скрываться, теперь становился локомотивом, готовым перестроить весь город.

— Хорошо, — улыбнулась она, глядя на Бьорна с нежностью. — Я скоординирую мастеров. Галахад чертит проект. Бьорн везет бревна. Леон возглавит детскую бригаду заготовщиков. Мы построим эту школу до первых весенних оттепелей.

Глава 10

День свадьбы Лисандры и Бьорна вошел в историю города под названием «Великое стояние у алтаря». Гулял весь город. Бургомистр Клаус объявил официальный выходной, мотивируя это тем, что «когда такое сокровище выходит замуж, государственные дела могут и подождать».

Девушка отказалась от пышных шелков. Мастер Жак сшил ей платье из тончайшего белого льна. К алтарю Лиса шла с открытым лицом, сияя золотыми волосами и улыбкой.

Ее очарование накрыло главную площадь города, как лавина из сахарной пудры.

Сотни мужчин — от портовых грузчиков до судей в мантиях — застыли в оцепенении. Каждому из них в эту секунду захотелось сделать для невесты что-то грандиозное: переписать на нее дом, вызвать на дуэль пролетающего мимо голубя за то, что тот не так машет крыльями, или просто умереть от умиления.

Но на страже порядка стоял Бьорн.

Жених выглядел внушительно: парадный кафтан, а вместо свадебного бутоньера он держал в руке начищенный до зеркального блеска топор.

— Так, мужики, — баритон Бьорна перекрыл праздничные колокола. — Смотрим, радуемся, но слюни подбираем. Шаг влево, шаг вправо — и вы до конца жизни будете колоть зубочистки для приюта. Лично проконтролирую.

Кузнец Торвальд, который как раз порывался подарить Лисандре пятитонную наковальню в знак вечной преданности, под суровым взглядом Бьорна аккуратно поставил подарок на землю и смущенно кашлянул:

— Да мы чего, Бьорн... Мы просто... Ей же тяжело, небось, букет нести? Может, подсобрать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.